

A detailed illustration of two men in a horse-drawn carriage. The man on the left has a long white beard and wears a dark, fur-lined hat and a dark robe. The man on the right has a white beard and wears a red robe with a white horned helmet. They are traveling along a path that runs alongside a river. In the background, there are steep, rocky mountains with snow-capped peaks and a large waterfall cascading down. The trees on the right have autumn-colored foliage in shades of orange and yellow. The overall style is that of a classic oil painting.

Марина Урусова

# Дилижанс историй

# Марина Урусова

## Дилижанс историй

*<https://litres.ru/74299508>*

*SelfPub; 2026*

### Аннотация

Седоки дилижанса, который ведёт Семён устроили пари на лучшую историю про богомерзкие книги. Возчик прислушивается к седокам и внимательно следит за дорогой – нет ли поблизости волколаков, не приближаются ли тенивики, не шалит ли леший. Сорок лет работает он возничим, и сам мог бы рассказать десятки историй – и про конный двор духов, и про танец рун на колёсах, и про неведомый народ, что возродится как только третий раз зачерпнут из моря воды для коней...

# Содержание

|                                   |    |
|-----------------------------------|----|
| Глава                             | 4  |
| Пролог                            | 5  |
| Купец против гусара               | 11 |
| Догоняющий туман                  | 29 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 35 |

# Марина Урсова

## Дилижанс историй

### Глава

#### Оглавление

Пролог

Купец против гусара

Догоняющий туман

Цена билета – жизнь

Силуэт на Темной Воде

Не смотри за окно!

Мелодия мертвецов

«Тайная» книга Насау-Дице

Конный двор духов

Тени на мостовой

Танец рун на колёсах

Жатва в полнолуние

Духи-поводыри

Груз – души

Шесть заклётых миль

Берендеево царство

Эпилог

# Пролог

- Чего встал на дороге, дурень деревенский? - рявкнул кто-то над ухом задумавшегося невысокого белобрысого паренька в косоворотке, ошеломлённо оглядывающего площадь и стоящие вдоль неё дома.

Сёмка отошёл в сторону, чтобы не мешать людям. Город его оглушил своим грохотом и многоголосьем и невообразимой красоты домами. Каменные, с колоннами, высокие – в два этажа. На балконах – цветы в горшках. И кружевные занавески. А ворота-то, ворота – чугунные!

В тех краях, где он вырос, день-деньской стояла тишь, прерываемая трелями птиц и свистом ветра в кронах деревьев. Лишь ночью округа оживала. Выли волки, ухали совы, брехали собаки.

Людей было мало, да и сама деревня – семь приземистых деревянных домов с плетнями в глухой чащобе. Жили в ней люди беглые. Дед Сёмки и его товарищи рекой бредили, очень хотели вернуться туда, откуда перебрались в эти края. Но боялись попасть в руки полиции. Без вины виноваты оказались. Дело давнее. В соседней артели бурлаков казна пропала. Много в тот день народу ходило по берегу. Много артелей могли казну взять, да обокраденные бурлаки на дедову указали. Кто помоложе был, легче на подъём бежали

тогда подальше от реки. А кто постарше был, попался при бегстве. Те сначала ушли в тюрьму, потом на каторгу. Поселились беглецы в безлюдной местности, тайно перевезли семьи. Жили и носа из своей деревни высунуть боялись, да детей пугали – вот придёт полицейский и заберёт тебя туда, где Макар телят не пас.

А Сёмке хотелось увидеть другие края. Узнать откуда однажды приехала красивая карета, запряжённая четвёркой серых в яблоках лошадей. Или из каких мест добрела до их деревни древняя старушка с котомкой.

Всё он мечтал по свету постранствовать, на людей поглядеть. Вот и сбежал от родителей, как подросток, да побрёл куда ноги повели. Шёл лесами, лугами, полями. В деревни заходил – помогал старухам да старикам. А те ему в дорогу кто хлебушка, кто яичко, кто картошечку давали. Тем и питался. И вот добрёл до самой Московии, о коей дед ему перед смертью рассказывал.

- «Семён и сыновья» - прочитал Сёмка на вывеске конного двора, почесав в затылке. – Хозяина, видать, как меня зовут, если только он не один из сыновей. Нешто на конный двор пойти? Может, они возниц набирают? Возьмут ли? Вдруг погонят? А хорошо бы свет повидать!

- Держи! Держи его! – раздались истошные вопли издалека.

- Ну, кто так правит?! Ты над конём главный или он над тобой!

- Уууу, ирод! Опять все горшки мне побил!
- Берегись! – вторили дальним голоса поближе.
- Спасайся, кто может!
- Детвору с дороги уберите!

- Ой, мамочки, видать, опять дьявол возвращается! – взвыла рядом с Сёмкой торговка пирожками. – Помоги, сынок! Разнесёт всё вдребезги!

Парнишка подхватил две кадушки, в которых тётка держала товар. Сама баба схватила лоток и кинулась в проулок рядом с площадью. Сёмка припустил за ней. Тётка нырнула в какую-то подворотню и притаилась там. Парнишка поставил рядом с ней кадушки и вернулся назад. Любопытно было посмотреть кто столько шума наделал.

Улица позади него бурлила. Люди спешно прижимались к домам, освобождая центр. Парнишка хотел уже спросить, что случилось, но тут совсем близко зацокали подковы по мостовой, раздался грохот колёс и долетел хриплый сорванный голос возчика:

- Стой! Стой, тебе говорят, дьявол! Тпруууу!

Прямо к воротам конного двора через площадь неслась кибитка, запряжённая чёрным, как дьявол, конём. Грива его развевалась на ветру, глаза горели красным, а морда была вся в пене. Конь летел, сметая зазевавшихся торговцев.

- Так он же напуган, - сообразил Сёмка.

И опомниться не успел, как вылетел навстречу коню.

- Стой, милый! Стой, хороший! – приговаривал парниш-

ка, одной рукой уцепившись в повод, а другой глядя коня по шее. Ноги его волочились по мостовой. – Спокойно! Тут спокойно! Стой, родной! Стой!

И, о чудо, конь перестал хрипеть, сбавил ход, а затем совсем остановился.

- Красавец мой! – приговаривал Сёмка, ласково глядя коня по шее, морде, бокам. Достал из-за пазухи кусок хлеба и сунул к морде животного. – Чего испугался?

Конь, склонившись к уху парнишки нежно фыркнул в него, словно ответил. Вроде, не по-человечески сказал, а Сёмка понял.

- А ну, дай, посмотрю! – попросил он.

Конь ещё раз фыркнул и повернул голову, чтобы парнишке было удобнее смотреть.

- Эх, и как же ты жив ещё! – вырвалось у того.

- Отойди от коня! – попытался оттереть Сёмку от дуги здоровенный возчик, оправившийся от испуга.

- Ты почто, дядя, животину мучаешь? – рассвирепел парень, наступая на здоровяка.

Со стороны это смотрелось смешно и нелепо. Маленький шуплый зелёный паренёк – против здорового взрослого мужика. Но Сёмке было наплевать на толщину и рост противника. На самом верху дуги, в которой шёл конь, он только что обнаружил здоровенный гвоздь, который царапал скакуну шею, как только тот вскидывал голову.

- Кто тебе позволил коня портить? – засучил рукава пар-

нишка. – Я тебе сейчас таких плюх наставлю, что мать родная не узнает!

И вдруг случилось странное – здоровяк рухнул на колени и начал размазывать по щекам горючие слёзы:

- А чего он! Чего он меня не слушает? Я ему «тпру», а он влёт идёт, я ему «но», а он встанет, как вкопанный!

- Эх, Антип-Антип! – за спиной Сёмки раздался спокойный старческий голос. – Сколь раз говорил я тебе – не твоё это дело. Тебя не то, что этот дьявол, тебя даже смиренная кобылка не слушает. Шёл бы ты куда от нас, пока всех коней не перепортил. В лавку назад торговать, мешки таскать на баржи, в бурлаки. Только подальше от нашего конного двора.

Сёмка ощутил на плече крепкую ладонь, повернулся, чтобы скинуть её, и увидел, что с конного двора вышли несколько возчиков, среди которых были и молодые, и старые. Седой старик, увещевавший Антипа, улыбался, ласково глядя в глаза парнишке.

- Ты на него, сынок, силы не трать. Коли в человеке души нет, его ни один конь слушать не будет. А тебе прямая дорога к нам. – Тебя сам Аспид признал. Этот конь лишь чистой душе верит. Не человек, а в самую душу смотрит. Коней, сынок, не обманешь.

- Пойдём к хозяину, - поддержал молодой возчик. – Мы расскажем, что ты Аспида на скаку остановил и успокоил.

Остальные загудели, соглашаясь, захлопали по плечам Сёмки. Никто не заметил, куда делся Антип. Растаял где-то

в толпе.

- Подождите вы! – растолкала возчиков тётка, продававшая пирожки, прибежавшая на шум. – На, милоч! Заслужил!

И в руках Сёмки оказался лоток с пирожками. Кто-то из возчиков достал из кармана цветастый платок, в который ссыпали подношение торговли.

С этого началась для Семёна новая жизнь. Сбылась мечта – поехать по свету, посмотреть, как в других краях люди живут.

# Купец против гусара

Ровно сорок лет прошло с того дня, как Семён впервые вошёл на конный двор. Сорок лет. Даже не верилось. И мир посмотрел, и себя показал, и друзей нажил. Грех было жаловаться на долю.

Дилижанс был в пути уже полдня, впереди ждало долгое путешествие из Московии в Питеррию.

Под мирный ход лошадок Семён едва не задремал и, чтобы взбодриться, стал прислушиваться к разговорам пассажиров. Солнце жарило беспощадно. Только и развлечений у возчика было - смотреть на лес по обочинам дороги, да слушать болтовню внутри кареты.

А в дилижансе в это время шло знакомство. Промолчав первые мили, чопорные москотяне теперь интересовались - кого это шутница-судьба выбрала им в попутчики.

Компания подобралась разношёрстная: отец Питирим из Блаженного монастыря, юная фифочка Конкордия из института благородных девиц, известный писатель Буженинов, купец третьей гильдии Удальцов с женой Евлампией и сыном Кондратом (гимназистом и обалдую), отставной поручик Ржевский и скверно говорящая по-москотянски гувернантка Цецилия лет сорока (германийской породы).

Семён только крякнул, слыша, что каждый из его пассажиров рассказывает о себе. Сорок лет перевозит он людей из

Московии в Питтерию и обратно, и все одно и то же – каждый попутчик врёт без зазрения совести. И, что интересно, никто не разоблачает – просто незачем портить настроение в дороге из-за случайных знакомцев. Вот сейчас представятся и замолчат – будут спать. На второй день переругаются, на третий помирятся, и так до конца пути. Хорошо, если поручик с писателем не подерутся, а гимназист не заведёт шашни с институткой. Ещё лучше, если купчиха под конец пути не выдерет гувернантке волосы за своего благоверного... Прости господи, грехи возницкие, дай довести всех до места без синяков и шишек! Ах да, там же ещё и поп едет!

Впереди показался трактир «Налей и отойди» - место дневного привала, и Семён заторопил коней. Какое ему дело до того, о чём там пассажиры совещаются? Пока они будут есть, ему ещё коней поить и кормить. Самому бы успеть, хоть, краюху перехватить до отправления.

Хозяин трактира встретил Семёна и седоков радушно, изрядно удивив возчика. Редкий случай – в трактире было пусто. Обычно трактирщик Пафнутий рассаживал приезжих в отдельном кабинете, который держал специально для таких случаев, чтобы не схлестнулись с каким-либо сбродом.

Будь воля возчика, ни за что бы не остановился здесь. Да, на всю округу больше ни одного трактира или постоянного двора нет. Места глухие. А хозяин особого доверия у возчиков не вызывает. Никто не может сказать почему. Вид разбойничий? Так, почитай, у половины трактирщиков такой

же. Неприветливый? Ну, и Бог с ним. Кормит неплохо, в вино отравы не добавляет, пиво водой не разбавляет. Чего же боле искать в такой глухомани? А вот, поди ж... Чувствовал Семён, как от хозяина исходит опасность. Словно не человек он, а леший какой-то.

Ну, да не до размышлений ему всегда было. Сдал хозяину пассажиров – и обратно к дилижансу.

Последнюю милю Семёна беспокоила одна из шести лошадок. Нрава она была особого. Настоящая комедиантка. Чуть что не так, начинала хромать и тянула остальных коней назад. Он захлопотал вокруг рыжей красоти, ощупывая её суставы, проверяя копыта, мундштук, уздцы. Оказалось один гвоздь в подкове разболтался. Работа была простая, кузнец не требовался, поэтому Семён справился за полчаса. Проверив остальных коней, и осмотрев дилижанс, возчик заглянул к старому знакомому перекусить чем Бог послал.

Хлебая уху, слушал новости, которыми делился Пафнутий. Никаких новых чудищ в окрестных лесах не завелось, разбойники после очередной облавы вели себя тихо.

Поблагодарив за гостеприимство, Семён попрощался и вернулся на козлы.

Отъехав на приличное расстояние от трактира, возчик прислушался к разговорам пассажиров, дожёвывая хлеб. Похоже, седоки о чём-то договорились и сейчас определяли кто начнёт первым. «Петь они что ли будут?» - беспокоился

возничий. – «Да, они мне сейчас всю нечисть соберут! Волколаки жуть как обожают подвывать!»

- Дамы и господа, чур, не нарушать условия пари! – услышал Семён голос гусара. – Рассказываем истории про богопротивные книги!

Семён вздохнул с облегчением. Петь не будут. Заключили пари на лучшую историю.

- Ну, поскольку по жребию, я первый, то и начну с вашего позволения! – начал Ржевский. - Полк наш в ту пору стоял в Мытищах. И на постой определили меня квартирмейстеры к одной купчихе. Ух, скажу я вам, и женщина была! Дородная, властная. Но ещё молодая. И - вдова. Вот, за год до того, как нас в городок тот квартировали, схоронила мужа-старика. Сама дело повела - шелками торговала, магазин-салон для местных дур знатных открыла. Каталоги для салона из самой Франциляндии получала, по ним себе что-то там заказывала. А, чтоб с клиентками общий язык найти, она ещё и книжки французские себе выписывала. Ни бельмеса в них не понимала, потому гимназиста местного всё мучила - он ей за харчевание те книжки читал вслух с переводом.

- Прелюбодеяниями с отроком не занималась? - недоверчиво перебил отец Питирим. - Всяко бывает. Уж, эти купчихи у меня на исповеди такое говорят - уши горят, стыд-то какой! А особенно отличаются молодые, да в самом соку! Вот, например...

- Вот, мать, – слыхала, что батюшка-то сказал? – взвился

купец. - Вооот! Никуда со двора больше не пойдёшь, ни в лавку (нечего приказчикам глаза мозолить!), ни...

- Аполлоша! – смущённо одёрнула его жена. – Не надо при людях-то!

- Вечно вы, папаша... - начал Кондрат.

- Молчат! – рявкнула Цецилия.

Семён почувствовал, как Удальцов от такой наглости начал наливаясь кровью. И неизвестно, что бы было дальше, но хитрая немкиня состроила ему глазки и елейным голоском добавила:

– Дайт послушайте, герр коммерсант! Герр порючик говорайт про особенный женщин, меня интересовайт. Падре, тоже интересовайт.

Купец закрыл рот и приготовился слушать, пробурчав для очистки совести:

- Ну, если только святой отец готов слушать... тогда врите дальше!

Семён давно заметил, что может по голосам, по звукам движений пассажиров, понять, что происходит в дилижансе. Он просто видел каждое движение спорщиков, чувствовал, когда они краснеют или бледнеют.

Поручик перекрестился:

- Истинный крест! Святая правда – ничего не вру! Ну, так вот. Поначалу мне было нелегко. Раны старые покоя не давали, печень ныла, в кармане ветер гулял – словом в офицерское собрание не выйдешь, в театр не сходишь... И от-

сживался я первые три дня в ожидании жалования и чтении устава войсковой службы. Не то, чтоб я его знал плохо, а просто обновить знания захотелось. Прислуживать ко мне приставили прехорошенькую горничную Машу. Такая была красавица, что не стыдно было б приодеть, да с собой в театр или на променад взять. Но, нрава девица была тихого и стыдливого – к таким, разве что, с предложениями руки и сердца подходить, а не с собой к нашим полковым жеребцам тянуть.

И вот на третий вечер, только Маша мне ужинать подала (из принципиальных соображений я от общего стола ещё в первый день отказался – уж больно на меня купчиха плотноядно смотрела), как началось необычное... Щи в тарелке забурлили, закипели сами собой, и прямо из гущи глянуло на меня мурло нечистого!

- Ох, мамочка, страх какой! - испуганно прильнула к плечу писателя Конкордия. Буженинов покраснел и погладил её по голове, успокаивая. Однако видно было, что рассказ поручика ему более интересен, чем юная девица.

- Ну-ка, ну-ка! – заинтересовался отец Питирим, поглаживая в кармане фляжку с церковным кагором. – А каков был нечистый-то? Ликом чёрен и прекрасен, или просто порсячье рыло вынырнуло? Так, может, тебе, сын мой, примерещилось? Не пил ли ты вина до ужина?

- Врать не буду, выпил я вина! – признался Ржевский.

Пассажиры рассмеялись. Батюшка настроился прочитать

малую проповедь о «вреде пианства», но отставной поручик продолжил:

- Только было это за неделю до того дня. Пили мы в офицерском собрании, перебрали. И так меня скрутило после этого, что только молоком и отпоили. Вот с того дня к вину не прикладываюсь, и никому не советую. Ну, если только, когда святой отец требует причаститься (При этих словах Пителим заёрзал на сиденье, забеспокоился за фляжку)... Так что, слово офицера, – был трезв, как стёклышко, ничего не показалось и не померещилось. А, если кто-то не верит, так я вам адрес купчихи дам. Там Маша подтвердит – как раз у неё на глазах всё и начиналось. Конец-то она не видела – глаза закатила и под стол спряталась... без чувств. Ну, а мы с нечистым побеседовали! Я – ему: «Это как же, твою мать, извиняюсь понимать? Ты зачем, скотина, людей пугаешь?» Простите, дамы, – с бесовским племенем иначе нельзя. А эта образина чёрная, с рогами, пятачком и родимым пятном на полхари мне в ответ: «Твою гусарскую морду спросить забыл! Лучше скажи, зачем в пекло ложкой тычешь? Всех грешников распугал! Я тебе, пентюх в ментике, щас покажу Кузькину мать!» И так мы с ним душевно побеседовали тогда – не приведи боже вспомнить! Маша под столом и та, наверное, в обмороке слышала. Купчиха на шум прибежала. Боевая женщина! В щиплюнула, сметаной нечисти в глаза запульнула, ложкой по рогам настучала, а ему – хоть бы хны! Ух, как она его крыла, а он ей в ответ такие сальные компли-

менты отпускал, что я его аж на дуэль вызвать собрался, дело только за секундантом было. Пока я его найду, мало ли что эта чертячья сволочь сделать успеет – у меня ж Маша под столом в обмороке, а она – девица на выданье, потом женихов не найдёшь. Ну, тут я выхватил из коробки свой пистолет, да каааак...

Слушатели затаили дыхание. Дамы смотрели на поручика с восторгом, как на героя! Как на идеал мужчины - ещё бы, в такой страшный час думать о невинной девушке! Семён на козлах еле сдерживал смех.

- А богохульная книжка где была? - испортил всё отец Питирим. – Злоязычен ты и лжив, сын мой! Вот наложу за то епитимью!

Семён на козлах довольно хмыкнул. Вот то-то будет радость лошадушкам, как запретит поп сейчас всем седокам жрать без меры. Как повелит на постный стол перейти, да поклоны бить. Это ж как они в дилижансе будут поклоны поясные, да земные отвешивать? Ан, не тут-то было. Поручика в гусарах хорошо, видать, обучили – не сдаваться ни при каких условиях. Чай, самого Суворянина наука была!

- Да, как же так, святой отец! А устав-то на что? Чем не богохульная книга-то? Ведь, как раскроешь его, так ни одного слова доброго на ум и не идёт! Ну, сам посуди, батюшка, как это Господь Бог наш мог бы такое попустить, чтобы в книге было написано: «Караульная служба предназначена для надежной охраны и обороны боевых знамен, хра-

нилищ с ружьями, пушками, ядрами и иных военных служб, а также для охраны лиц, содержащихся на гауптвахте»? Заповедь «Не убий!» нарушается – раз! Вместо икон святыней знамёна являются – как у язычников каких – это два! А гауптвахта – это отдельный грех, потому что там ни тебе проверок, ни заданий – одно нахлебничество, а, значит, - лень! Да, в уставе нет ни одной святой строчки – все богохульные!

- Ох ты, Святый Боже, Святый Крепкий! – перекрестился отец Питирим. – Куда ж ваш полковой батюшка смотрел, почто в Святой Синод не сообщил?

Поручик закрутил седой ус, подмигнул, сидящей напротив немкине, и... выдал:

- Так, наш-то батюшка с уставом один и боролся! Чуть что не по нраву, так полковнику нашему – епитимью за то! Как по приказу командира нашего ночью офицерское собрание закрывать стали, согласно уставу, так поп наш походный первым и воспротивился. Пригрозил от церкви отлучить всякого, от кого ещё раз про устав услышит. Потому я книжку-то тайком и читал... на всякий случай! Так про то, как я нечистого изгнал рассказывать, или уже не интересно?

Пассажиры заорали, что интересно. Буженинов заинтересовался – удалось ли спасти честь Маши, Конкордия спросила помогла ли купчиха, Удальцов пыжился съязвить, но слов не находил. Гимназист пытался узнать систему пистолета, который применил поручик. Евлампия просто охала и ахала. И только немкиня понимающе улыбалась поручику.

Когда с второстепенными вопросами было покончено, поручик завершил свой рассказ:

- Выхватил я пистолет, а паршивец этот до пояса из щей вылез, капусту с рогов стряхнул, глаза от сметаны протёр и начал надо мной ржать, как конь ретивый. «Ты, говорит, служака, совсем умом тронулся? Меня же только серебряной пулей убить можно. А у тебя серебра отродясь не бывало. Крест нательный – и тот медный! И купчихе я не под силу! Она по дурости на себя золото напялила!» Так обидно мне стало, потому что вижу – права эта ехидна адская. Швырнул пистолет в ящик, гляжу – устав лежит. Сам не знаю, что такое на меня нашло! Схватил я книжонку, да и начал читать первое попавшееся вслух, как молитву: «А ежели поручение выполнено не будет, то подлежит нарушителя пороть нещадно и пропустить через строй. А ежели жив останется, то...» Читаю, и зачем-то книжкой из стороны в сторону вожу – как крест кладу. Как дошёл до описания шпицрутенгов и берёзовых розог, так вдруг нечистый и заверещал отчего-то, словно его снизу – из аду кто-то теми прутьями бьёт. Может, и на самом деле, кто бил. Ну, так заорал, гад, что в ушах заложило, в глазах потемнело! И тут я, как Маша, тоже спрятался... без сознания. Очнулся – лежу на коленях у купчихи, она мне лицо платочком обмахивает. Ну, ни дать ни взять – как нервной гимназистке, которая мышь увидела. Оглядываюсь – нет нечистого! Долго думал, что такое случилось, да так и не понял! То ли этого рогатого другие черти за хвост в

пекло уволокли, то ли ему крест от богохульной книги (святой водой обрызганной лично полковым попом) где-то что-то натёр! Но только сбежал он, и больше не возвращался!

- Брехня! – пробурчал себе под нос на козлах Семён. – Уж, как не говорите, а брехня! Что ему книжка, да другие черти-то! Лучше бы у купчихи спросили, что она в борщ намешала! По всем статьям, если бы юбку у неё задрали, там хвост обнаружился бы! Любовного зелья набухала баба! Оно, аккурат, через некоторое время действовать начинает. Вот, чёрт-то и не выдержал. Побёг он к чертовке своей за лаской! Ну, а к купчихе ещё наведается – не один раз! Это ж надо было додуматься, к любовному зелью ещё и дурман-травы намешать. Так, ведь, всех чертей примануть можно было. А потом бы с чертовками разбирались!.. Ох, будет ещё история в Мытищах через несколько лет!

В дилижансе обсуждали историю поручика, задавали ему вопрос за вопросом. Один купец молчал. Семён чувствовал, как Удальцова распирает от желания обставить поручика.

- Ну, и ничего особенного в историйке вашей нет, господин Ржевский! – нашёлся, наконец, Удальцов. – Не вижу тут особого геройства – в обмороках валяются. Да, и устав ваш супротив моей книжечки не устоит!

- Аполлоша, может, не надо? – привычно затянула было Евлампия, но купец расходился не на шутку и рвался рассказывать о своих собственных приключениях. Ему сейчас и сам Питирим был – не брат и не сват.

Пассажиры сдались на милость Удальцова. Даже brave отставной поручик не возражал и приготовился внимательно слушать, тем более что по жребии вторым как раз был Аполлон Удальцов.

- Купец я не самый знатный, но не из последних буду. Удальцовых по всей Московии знают! По всей дороге мои лавки да постоянные дворы стоят. В лавках у меня покупателей видимо-невидимо, товар раскупается хорошо, поставщики не подводят. А вот среди приказчиков бывает, попадают прохвосты – за ними глаз да глаз нужен! Раз в месяц я каждую свою лавку посещаю, да счета проверяю – не надули ли где, бестии! Вон, у купца Драгомирова склад сожгли, когда проворовались. И тут могут, ежели за ними не присматривать. Что им за дело, коли я в убытке буду. Ну, так вот, однажды (лет пять тому назад будет!) сижу я в комнатке за прилавком, считаю и прислушиваюсь – об чём это приказчик с продавцом говорят. Слышу – зашёл кто-то в лавку, да интересуется – кто хозяин, нельзя ли с ним побеседовать. Поначалу я идти не хотел, чтобы со счёту не сбиться. Но, слышу – гость буйствовать начал. Дай, думаю – погляжу, кто это такой настырный по мою душу явился. Вышел – глядь! А, ведь, угадал – точно за душой пришёл, христопродавец!

- А как это ты понял, сын мой, что к тебе пришёл вероотступник? – заинтересовался Питирим, подавшись вперёд.

Удальцов тяжело вздохнул:

- Да, кто ж не знает Ваньку Каина! Раз пришёл, значит, ду-

шу вынет, а своего добьётся – либо бракованный товар втюхает, либо просроченный продаст втридорога.

- Оооо, - засмеялся поручик. – Да, такой «нечисти» у меня в жизни было видать-не перевидать! С ними и без книжек разобраться можно! Кулаком в морду – и вся недолга!

- Таких, да не таких! – вскинулся купчина. – Ванька Каин всем известный злодей – клейма ставить негде. Краденным не гнушается, ростовщичеством занимается... Поговаривают, что и разбоем не брезгует. Все про то знают, а полиция его сколь раз ловила, а поймать не могла – как сквозь воду или стены уходит. Вот он только что тут был – раз и нет его! Как есть, душу нечистому продал. Или то сам бес среди нас ходит, да наши души себе присматривает! Вот вам крест, православные, что настоящий нечистый ко мне в тот день пришёл!

- Ну, ладно, сын мой! Верим мы тебе, верим! – с неохотой признал Питирим. – Согласен, в каждом тате – диавол сидит, да им погоняет. Рассказывай дальше – чем же ты Каина этого на путь истинный наставил.

- Вышел я, значит, узнал гостя, и поначалу растерялся. Никто ж от него не облапошенным не ушёл. А кто ушёл, так, говорят, на той же неделе с ними что-то приключилось – и сгинули люди, как их не было. Стою – пентюх-пентюхом, да не знаю, что ему ответить. А он, злодей окаянный, мне сукно аглицкое пытается продать за три целковых аршин! Виданное ли дело, чтобы сукно столько стоило? Да, и не нужно

мне оно – своё есть, московлянское, с фабрики Строганова! Наше-то, поди, даже лучше будет! И уж, совсем решился я с Ванькой по рукам хлопнуть, чтобы жизнью-то не рисковать! Ан, глянул вниз чего-то, а там – на ногах копыта!

Семён на козлах присвистнул, сдвигая шапку на затылок. «Ого! Вот же привелось натерпеться ужасу купчику! Не к каждому злыдень-копытень приходит! Кто ж тебя заказал ему, болезный?»

А в дилижансе под мерный ход лошадаков купец продолжал свою «страшную» историю:

- Поглядел я в глаза Ваньке, вижу – в них конкурент мой австрияк Штрейбрехгаузен сатанинским смехом заливае-ся! Собака эта ненашенская неустойку деньгами заплатить должна была, да зажмотилась – пыталась аглицким сукном выдать. Я на него как раз тогда в гильдию пожаловался. Ах, вот в чём дело, думаю! Это, значит, меня же хотят заставить неустойку покрыть, да ещё сверху приплатить?! Вeсь страх куда-то пропал, одна злость осталась. «Извольте, - говорю, - пройтись со мной в коморку, там я кое-какие расчёты произведу. Надо же мне знать, сколько сукна закупать!» Ванька ухом не повёл, со мной пошёл. Привёл я лихоимца в комнату, где счета проверял, да и начал книги амбарные перебирать, да причитать: «Дворцовой гвардии на мундиры сукна пойдёт..., а на ломбардные столики в Летний Дворец надо..., а вот ещё у меня чиновники питерляндские себе на шинельки просили..., да Патриарх рясы монахам хотел..., да

граф Андал-Вандал для спектаклю актёрам на рейтузы заказывал... ага, ещё ж и герцогиня Хошь-не-хошь-а-вынь-да-положь для ребятишек крепостных, которых в школу сгоняют, хотела кафтаны с картузами пошить...» Сижу, себе на листок цифирки выписываю. Часа два так считал, запросил сукна раза в три больше, чем Штрейбрехгаузен предлагал. Надежда была, что нет у него столько аршин. Ванька-бес, головой кивает, на ус мотает. И совести ни в одном глазу, только австрияк хохочет-заливается. Ну, думаю, ежели тебя этим не проймёшь, сейчас по-другому бить буду! И начал уже другие книжки перебирать – сколько у меня казны, смогу ли разом оплатить заказ на сукно. Знамо дело, хватило бы! А, коли не хватило бы, так другие купцы помогли бы единовременно – не однажды мы друг друга так выручали! Но Ваньке я объявил: «Не достаёт самой малости, и надо денежки по должникам поискать!» Ванька опять спокойно головой кивает – мол, ищи, не тороплю. Штрейбрехгаузен у него в глазах уже ручки довольно потирать начал (ему-то это выгодно – часть сукна он мне за «неустойку» отдаст, а за вторую с меня же возьмёт, да всю неустойку высокой ценой за аршин и покроет). Ну, такая сволочь, прости господи, этот заморский коммерсант, что дальше некуда. Обидно стало – неужто я, как молодой купчик, на этом аглицком сукне прогорю? Бог не попустил, да приказчик не выдал. Я уж потом-то его спрашивал, что такое на него нашло. «Не могу знать, - отвечает. – Приблизнилось!» В общем, когда я с денежками мыс-

ленно распрощался, тут мой Пётр в каморку и влетел с воплем: «Не вели казнить, Аполлон Апполинарьевич! Гонец со дворца прибыл и спрашивает, чем царь-государь вам отплатить может за услуги по изгнанию бесов из царевича! Третий день уже младенец по полям не скачет, копытами не бьёт – нянькину сиську сосёт!» И, вот вам крест, православные, Ваньку Каина тут залихорадило, затрясло! Испугался, видно, лукавый. Ну, я не будь дураком, важно так объявляю: «Передай посланнику, что денег мне с царя не надо! Но милости прошу с бесчестным Штрейбрыхгаузенom поступить по справедливости: пущай тот неустойку мне выплатит чистым золотом да в тройном размере – чтобы другим неповадно было! Или же поставит мне не аглицкого, а нашенского сукна! Ну, а коли головы за воровство его лишат, четвертуют или колесуют, то и это мне утешением будет, поскольку у нас в Московии одним татем станет меньше!» Вижу, обоим лиходеям не по себе – Ваньке, и австрияку. Эх, мать честная, бить так бить! И достаю из стола последнюю свою надежду – книжечку, куда у меня должники вписаны. Сумму раз в десять больше той, о которой с Ванькой договаривался, назвал. Взвился тут Штрейбрыхгаузен и из глаз Ванькиных заорал: «Даст ист франьё! Я столко не далжал!» Ванька тож копытами забил, а на морду что-то бледный стал. Ну, тут ещё Пётр мой опять-таки с какого переполоха неизвестно, но схватил хомут, что на стене в каморке висел, да Каина и... в общем взнуздал. Пока приказчик мой с Ванькой возился, я с

австрияком переговоры вёл. Эх, не понимают иноземцы, что с нашими купцами связываться нельзя. Я на пальцах этой бестолочи немосковлянской доказал, что должен он мне золотом больше, чем запрашиваю. И лучше бы ему не кочевряжиться, а расплатиться немедленно, пока государь его за портки не прихватил. Упёрся, гад, не сдавался. Аж до того довёл меня, что я не выдержал, да Ваньке книжкой должников промеж глаз въехал. И тут – чудо случилось. Исчез лиходей, а на его месте конь появился. Каморка махонькая, места ему не хватило. Так вот и помню – сидит передо мной на крупе коняка, копыта на стол положила, на шее у ней Пётр мой угнезвился – верхом на хомуте. Вот вам крест, православные! Как есть, книжка должников, которой не Богу нашему, а Мамоне проклятому только и молиться, доброе дело сделала – с нехристью расправилась!

Пока Удальцов рассказывал, в дилижансе раздавались только сдержанные ахи женщин и хмыканье отставного гусара. Питирим, и тот заслушался. Один писатель скромно придремал в уголке, никем не замеченный и досматривал седьмой сон про Лизу и Германа...

- Ну, а австрияк-то заплатил? – поддел Удальцова поручик. – Или он Ваньку Каина вам вместо сукна «поставил»?

Купец хотел было обидеться, но сам расхохотался:

- Да, с этой шельмой мы потом расплатились – всё он мне вернул до грошика. А коня я ему отдал – уж больно нахрапистый да пугливый оказался. От всякой книги шарahalся –

и от святой, и от поганой!

Семён на козлах расхохотался:

- Эх, и повезло ж! Всем троим! А что, ежели бы не долговой книжкой Ваньку-то хлопнули, а амбарной? На них же на каждой свой знак начертан. Знаю я долговые книжки-то! Их купцы друг другу дарят, там на обложке – подковка на счастье и достаток. Да, ещё освящают у попов! По-по-лучается, что каждая книжка – вол-вол-шебная! Ах-ах-ах! Ваньке в самый раз досталось – истинный свой вид приобрёл. Таких, как он молодцов, выводят колдуны из жеребцов! А, ежели бы приложили амбарной, где... Ах-ах-ах... где... мешок с мукой нарисован... ха-ха-ха... получился бы осёл! Ха-ха-ха!

# Догоняющий туман

Рассказ купца Удальцова так увлёк всех, что никто из пассажиров не заметил опускающейся на дорогу ночи.

В салоне дилижанса после нескольких удивлённых вскриков о позднем времени, стихли разговоры. Люди устраивались спать.

Семён вёл лошадок и тихо намурлыкивал под нос старую песенку возчиков дилижансов.

*И за спиной твоей туман тебя догонит и возьмёт!  
Хоть кони будут в мыле все, воз от погони не уйдёт.  
Не верь, не плачь и не проси пощады от туманных душ,  
Покрепче кнут в руках сожми! Коней упряжку тужь!  
И скакунов направо полёт к Реке Забвенья и Тоски,  
Не замечай годов и дней, вброд переправься чрез пески...*

Сколько лет возит он пассажиров из Московляндии в Питтерию и обратно, столько мурлычет песенку. Не оттого, что она ему нравится. В ней ни складу, ни ладу, ни смысла. Просто хозяин, принимая его на работу, заставил заучить десятка два песен, чтобы распевать их в дороге. Семён подписал контракт и, как честный человек, выполнял его. Сказано петь, значит, надо петь. Даже, если голос у тебя противный козлиный. Но некоторым пассажирам нравится. Говорят, засыпать под эти песни легко. Они, словно, злых духов

отгоняют, хорошие сны навевают. Другие жалуются. Поэтому Семён редко поёт громко. Просто мурлычет под нос.

Спросил как-то возничий у хозяина зачем нужны песни. Тот замялся слегка, а потом признался, что сам не знает. Когда получил дело в свои руки от отца, в завещании было написано про эти песни, да ещё и тетрадка с текстами прилагалась. Ему тогда ещё показалось странным, что без нот. То есть каждый возничий их на свой лад может петь, но слова нужно знать твёрдо.

Наконец в дилижансе наступило сопение и лёгкое похрапывание. Дорога, конечно, здесь хорошая и больших колдобин нет, но редко кто-то из пассажиров позволяет себе громкий храп – не получается как-то.

Возчик иногда думал, что рессоры мягкие и внутри у людей лёгкая ностальгия по детству, когда мамка или нянька качали колыбель да напевали песенки.

- Эхм, ну, положим, на колыбельные-то наши песни не шибко похожат, - прервал свои мысли Семён, привычно оглядываясь по сторонам и назад.

Места тут глухие. Остановиться на ночь негде. Ближайший постоялый двор через тридцать миль. К утру доберётся дилижанс. Приходится ехать ночью.

Дорога кишмя кишит нечистью. Редко какой рейс проходит без происшествий. То волколаки дорогу заступят, требуя выслушать их. Любят, стервецы, зубы заговаривать. Пока толпа на дороге просит мзду, несколько самцов во главе с

вожаком так и норовят коням сухожилия перегрызть, чтобы не умчалась добыча на край света. А ещё вдоль озёр и рек ездить опасно. От русалок не отошьёшься! Мужчин в таких местах дороги хоть к сиденьям приматывай верёвкой – так и норовят уйти за шалавами. Семён-то к их чарам стойкий. В первый же рейс угораздило его подглядеть хоровод русалок. Это людям они представляются красавицами, морок наводят, а на самом деле – крокодилы африканийские краше тех дев. Знамо дело, разве красавицу топить будут? Нет, страшные они русалки-то. Мымры-мымрами. А ещё бывало, что леший шутки устраивал. Однажды так напетлял, что Семён еле выбрался из леса. Да, что говорить – на дороге добрые духи не водятся. Они дом стерегут, огород охраняют. А тут лишь всякий сброд шляется.

Кони всхрапнули, когда на плечо Семёну сел ворон. Другой бы вздрогнул, а возникший обрадовался.

- Не забыл!

Дело давнее. Однажды на дороге нашёл Семён воронёнка. Он тогда решил, что птенец из гнезда выпал. Думал, как бы объехать аккуратнее. Знамо дело, что вороны своего дитя без надзора не оставят – налетят, заклюют. Проехал он тогда над воронёнком чистёхонько – не задел кроху. Вот только ни мамка, ни папка вороньи так и не объявились. Смекнул тогда возникший, что сиротой птенец остался. Сжалился, забрал с собой. С рук выкармливал-выпаивал. Поначалу за пазухой прятал, потом гнездо птенцу на крыше дилижанса

смастерил. А когда подрос птенец и стал самостоятельным вороном, отпустил на волю. Чего птице с человеком ездить туда-сюда? Пусть селится в лесу, пару себе находит, да гнездо вьёт.

Ворон молодой так и сделал. Понимал всё, что ему Семён говорил. Выслушал наказ от своего приёмного отца, головой кивнул, каркнул и улетел подальше от дилижанса. Возничий порадовался, но горько на душе стало. Долгие проводы – лишние слёзы. Вот только приживётся ли его воспитанник среди других ворон? Не обидели бы, не заклевали!

Каждый раз, как дилижанс по этой дороге ехал, слетал к своему спасителю ворон. Как-то даже с женой и детьми прилетал – знакомил папашу со снохой и внуком. Вот только ни разу не удалось с ним по-прежнему доверительно «побеседовать». Всяк раз что-то приключалось. Говорят же, что вороны – предвестники несчастья. Подметил Семён, что не просто так ворон опасность предвещает, а пытается предостеречь. А иной раз, как будто, и подсказать как избежать опасности.

- Ну, что на этот раз случилось? – поглаживая перья птицы, спросил возчик.

- Карrrrr-карrrr!

Другой человек бы не понял о чём сказал ворон, а Семён тут же оглянулся за спину на дорогу. И слегка не по себе стало опытному вознице.

Туман. Просто туман. Только что же он так быстро дви-

жется, словно бежит за дилижансом, как опоздавший пассажир? Да ровнёхонько по дороге шпарит, ни на шаг от неё не отходит!

Мурашки по коже побежали, на спине, как у кошки, загибок дыбом встал. «*И за спиной твоей туман тебя догонит и возьмёт!*», - вспомнились ему слова песни, которую он только что мурлыкал. «Ай, да отец был у нашего хозяина! Это же он для нас подсказки оставил! Умный был человек, а сыну его ум не перешёл, иначе бы догадался зачем к завещанию тетрадку-то приложили!»

Мысли пронеслись, как молния, а дальше Семён действовал строго так, как было указано в песне – сжал кнут и погнал коней, не слушая криков проснувшихся пассажиров. И ворон летел над головой, отчаянно каркая, словно подгоняя.

«Куда дальше-то? – неслось в голове скорее, чем шли кони. – Где эта Река Забвенья и Тоски?»

Если появился догоняющий туман, то где-то поблизости должна быть и названная река. Иначе бы старый хозяин конторы не вставил эти слова в песню.

- Карrrr! Карrrr!

Ворон рванулся вперёд, обгоняя дилижанс, словно указывая дорогу, прижимаясь вправо. И Семён каким-то внутренним чутьём понял, что нужно сворачивать в эту сторону. Он рванул поводья, направляя коней прямо в стену деревьев. И, о чудо, те расступились, пропуская повозку. Не расступились даже, а разбежались в испуге. Ворон и дилижанс лете-

ли сквозь лес, а туман шёл следом, неумолимо догоняя их. Семёну не надо было оглядываться, он чувствовал за спиной надвигающуюся опасность. Как будто кто-то тянул к нему костлявую руку, стараясь схватить за шиворот, перехватить уздечку и остановить коней. А потом дилижанс вылетел на берег реки. Или того, что от неё осталось. Пересохшее русло, через которое, если верить песне, надо было переправиться на другую сторону.

Кони уже хрипели, но шли вперёд, словно чуя, что только там их ждёт спасение. И ворон летел перед дилижансом, призывно каркая.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.